

ТИХИЙ СЛОЙ. КНИГА 2

ЭЛЬ ФОКС

тебя нет

СПИСОК ЗАБЫТЫХ

кто это?

Эль Фокс

Список забытых

<https://litres.ru/74695528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если тебя можно просто забыть?

В одиннадцатом классе четырнадцатой школы стоит пустая парта. Двадцать семь учеников уверены, что за ней никто никогда не сидел. В журнале пустая строка, а рядом пятёрка с плюсом за сочинение. На полях почерком учительницы, которого она не помнит, написано одно слово: «Вторник».

Мара Вейл знает это слово. Пять лет назад его беззвучно сказала ей двенадцатилетняя девочка в запертой квартире. Утром Мара ушла и больше не возвращалась. Теперь девочку стёрли из журналов, фотографий и памяти родителей, а следом начинают забывать и тех, кто пытается её вспомнить. Даже имя на запястье Мары бледнеет к утру.

Дориан нехотя учит её слушать и запрещает открывать двери. Сайлас пишет её имя у себя на ладони, чтобы не забыть, к кому едет. А из окна напротив школы кто-то давно наблюдает за теми, кого больше никто не видит.

Вторая книга серии «Тихий слой»: мистика, любовный треугольник и класс, который однажды решил, что тебя нет.

Содержание

Список забытых	4
Глава 1. Тишина	5
Глава 2. Журнал	16
Глава 3. Сомовы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Список забытых

Список забытых

Эль Фокс · «Тихий слой», книга 2

Глава 1. Тишина

По утрам Мара настраивала город, как когда-то настраивала рацию.

Она садилась на подоконник с чашкой, открывала форточку и закрывала глаза. Первые минуты было больно. Город наваливался сразу весь: тысячи несказанных слов, недоделанных прощаний, проглоченных «прости», и всё это гудело под обычным шумом, как гудит трансформатор под окнами, только внутри головы. Три недели назад, на мосту, она чуть не упала от этого гула. Теперь научилась ждать.

Если подождать, гул расслаивался. Как толпа на вокзале, где сначала слышишь только рёв, а потом различаешь отдельные голоса: вот ребёнок, вот объявление, вот кто-то смеётся у кассы. Мара выбирала. Сначала самое близкое: соседка снизу, которая сорок лет не может простить сестре какую-то скатерть. Потом дальше. Набережная. Рынок. Старый мост, где под настилом что-то тихо вздыхало, если прислушаться.

Потом, если было настроение, Заречье.

Там, в бывшем ткацком цеху, по утрам говорил мужской голос. Хрипловатый, ровный, с ленцой, какая бывает у человека, который не выпался и не собирается этого скрывать. Мара не разбирала слов. Слова ей были не нужны. Она знала, что он стоит у плиты и говорит с рыжим псом, который

опять лёг ему на ноги.

В такие минуты она улыбалась и злилась на себя за эту улыбку.

На востоке, за складами и железной дорогой, в шуме города была дыра. Круглая, глухая, тёплая. Её Мара не трогала. Смотрела в ту сторону и отводила внимание, как отводят глаза от окна, в котором кто-то переодевается.

Карточка из плотной желтоватой бумаги висела на холодильнике под магнитом в виде маяка. «Если снова станет тихо, позвони». Три недели Мара проходила мимо неё по десять раз на дню. Номер не набирала.

Тихо не становилось. Наоборот.

В первый раз она заметила это в среду.

Настраиwała город, как обычно, перебирала районы, как бусины на нитке, и на Спальном споткнулась. Там всегда гуло гуще, чем в центре: панельные башни, тонкие стены, тысячи кухонь, где по вечерам не договаривают. Мара привыкла к этому гулу, как привыкают к шуму трассы за окном.

В среду в гуле была прореха.

Небольшая. С монету, если сравнивать с картой. Где-то между остановкой семёрки и пустырём, где летом жгли траву. Там, где должно было бормотать, стояла тишина. Пустая, без того тепла, что шло с востока. Как пустое место на полке, где раньше стояла книга, и пыль вокруг этого места чуть темнее.

Мара решила, что ей показалось.

Поймала себя на этой мысли и поставила чашку на подоконник так резко, что расплескала кофе.

В четверг прореха была на месте. В пятницу стала больше. В субботу Мара проснулась в три ночи по старой привычке и долго лежала, слушая, как город спит. Весь город, кроме одного места на юге, где не спал никто, потому что там вообще никого не было слышно. Будто кто-то вырезал кусок из ткани ножницами и аккуратно подшил края.

В воскресенье она поехала туда сама.

Семёрка пришла через две минуты, хотя табло обещало двенадцать. Пустая, светлая. Мара села у окна и сделала вид, что не замечает, как водитель за тонированным стеклом не объявляет остановок. Трамвай сам остановился на нужной.

Спальный район в воскресенье утром был серым и мокрым. Ночью выпал первый снег и к утру растаял, оставив на газонах грязные белые лоскуты. Мара прошла мимо магазина, мимо аптеки, мимо детской площадки с облезлой ракетой. Город вокруг гудел обычным гулом: кто-то не позвонил матери, кто-то не сказал жене, что потерял работу, кто-то третий день не отвечал на сообщение, которое прочитал.

Через два квартала гул стал реже.

Ещё через один она оказалась на краю.

Это было похоже на то, как выходишь из шумного зала в коридор и за тобой закрывается дверь. Только двери не было. Мара просто сделала шаг, и всё, что она слышала под

звуками, исчезло. Остались звуки: машина за углом, ворона на проводе, её собственные шаги по мокрому асфальту. А под ними ничего. Ни одного несказанного слова. Ни одного «прости». Будто люди здесь говорили всё, что думали, и им нечего было оставлять невысказанным.

Люди здесь так не умели. Мара это знала.

Она стояла на перекрёстке и оглядывалась. Панельные девятиэтажки. Гаражи. Пустырь с обгорелой травой. А напротив пустыря, за забором из сетки-рабицы, трёхэтажное кирпичное здание с белыми колоннами у входа и большими окнами. На фасаде над дверью висела вывеска с гербом и надписью, которую Мара разобрала, только подойдя ближе.

Средняя школа № 14.

В воскресенье школа была закрыта. Окна тёмные, двор пустой, на воротах замок. Мара постояла у забора. Тишина отсюда была плотнее всего, почти осязаемая, будто школу накрыли стеклянным колпаком и выкачали из-под него воздух.

На третьем этаже, в крайнем окне справа, кто-то стоял.

Мара не была уверена. Солнца не было, стекло отражало серое небо, и в отражении всё было плоским и мутным. Но ей показалось, что за стеклом, в пустом классе, у окна стоит человек и смотрит на неё. Не на улицу. На неё.

Она моргнула. Окно было пустым.

Мара вернулась домой на той же семёрке, и всю дорогу у неё мёрзли руки.

В понедельник вечером в дверь позвонили.

На площадке под мигающей лампочкой стоял Тео. С ним была женщина лет пятидесяти пяти, невысокая, в сером пальто, застёгнутом на все пуговицы, с аккуратным пучком на затылке. На рукаве пальто белела полоса мела. Она держала обеими руками большую клеёчатую папку, прижимая её к груди, так, как Тео три недели назад прижимал к груди тетрадь сестры.

— Здравствуйте, — сказал Тео. — Это Ирина Генриховна. Моя классная. Бывшая. Мы можем войти?

Мара посмотрела на женщину. Та смотрела на неё с выражением, которое Мара видела у людей, пришедших в полицию заявить о чём-то, что им самим кажется глупостью: смесь стыда и упрямства.

— Заходите, — сказала Мара.

Тео разулся в прихожей привычно, будто жил здесь, прошёл на кухню, открыл хлебницу и обнаружил там последнюю горбушку. Посмотрел на Мару.

— Ешь, — сказала она.

— Я с утра не... — начал Тео.

— Ты с утра никогда не ешь. Ешь.

Он съел горбушку стоя, пока Мара ставила чайник. Ирина Генриховна сидела на краю табуретки с папкой на коленях и разглядывала кухню. Её взгляд задержался на холодильнике, на карточке под маяком, на пустой стене, где ещё были вид-

ны дырочки от кнопок.

— Тео сказал, что вы помогли его семье, — произнесла она. Голос у неё был хорошо поставленный, учительский, но в конце фраз чуть садился, будто ей не хватало дыхания. — С сестрой.

Мара поставила перед ней чашку.

— Ева не нашла, — сказала она.

— Я знаю. — Ирина Генриховна кивнула. — Я про другое. Он сказал... Он сказал, что вы слышите то, чего другие не слышат. И что вам можно рассказать, и вы не будете смотреть так, как смотрят на сумасшедших.

Тео за её спиной покраснел до ушей.

— Я не сказал «сумасшедших», — пробормотал он.

— Ты сказал «психованных».

— Это синонимы, — сказал Тео.

Мара села напротив учительницы. Пододвинула к ней сахарницу.

— Рассказывайте, — сказала она.

Ирина Генриховна Ланге тридцать один год преподавала литературу в четырнадцатой школе. Последние восемь лет она была классной руководительницей. Сначала у класса Тео, до девятого, потом взяла новый, нынешний одиннадцатый «Б».

Всё это она рассказала коротко и чётко, как, наверное, рассказывала на педсоветах. Потом замолчала. Отпила чаю.

Поставила чашку точно в мокрый круг от неё на клеёнке.

— У меня в классе есть пустая парта, — сказала она.

Мара ждала.

— Второй ряд, у окна. Третья. На ней никто не сидит. Я спросила ребят, почему. Они посмотрели на меня и засмеялись. Не зло. Удивлённо. Сказали: «Ирина Генриховна, там же никогда никто не сидел». Я спросила, почему тогда парта стоит. Они пожали плечами. Сказали: «Так всегда было».

Она помолчала.

— Двадцать восемь парт, — сказала она. — Двадцать семь учеников. Я всегда знала, что у меня двадцать семь. Я пишу это число в отчётах три года подряд. А в прошлую среду я пришла на урок, посмотрела на эту парту и подумала: а кто там сидел?

— В прошлую среду, — повторила Мара.

— Да.

В прошлую среду она сама впервые услышала прореху в гуле над Спальным районом. Мара ничего не сказала. Тео тоже. Он стоял у окна с недоеденной горбушкой и смотрел на неё, и Мара видела, что он думает о том же самом.

— Я понимаю, как это звучит, — сказала Ирина Генриховна. — Учительница пятидесяти пяти лет не может вспомнить ученика, которого не было. Это называется деменция, и мне уже предлагали сходить к неврологу. Я ходила. Он сказал, что для моего возраста у меня отличная память.

Она улыбнулась краем губ, коротко, без веселья.

— Я не могу вспомнить лицо, — сказала она. — Имя. Ничего. Но я помню, что кто-то был. Как помнишь, что положил ключи на полку, а их там нет. Ты не сумасшедший, ты просто знаешь, что положил. Я каждый день смотрю на эту парту и знаю, что там кто-то сидел. А двадцать семь подростков смотрят на меня как на старую дуру.

— И вы пошли к Тео, — сказала Мара.

— Он заходил на прошлой неделе, принёс мне книгу, которую брал ещё в девятом классе. — Ирина Генриховна посмотрела на Тео, и в её лице на мгновение мелькнула нежность. — Четыре года держал. Я рассказала ему, просто так. Я никому не рассказывала, а ему почему-то рассказала. А он сказал, что знает человека.

Тео дожевывал горбушку и вытер пальцы о джинсы.

— Я подумал, — сказал он, — что если у нас дом разговаривал, то у неё, может, парта молчит. Ну, не парта. Вы поняли.

Мара поняла.

— Покажите, что у вас в папке, — сказала она.

Ирина Генриховна положила папку на стол и раскрыла. Внутри лежал классный журнал. Не электронный, бумажный, толстый, в синей обложке, с потёртыми уголками.

— Школа давно перешла на электронный, — сказала она, словно извиняясь. — Но я веду бумажный параллельно. Привычка. Я тридцать лет так вела. Электронный я тоже

проверила. Там двадцать семь фамилий. Всё сходится.

Она открыла журнал на развороте с оценками по литературе и повернула к Маре.

Слева, столбиком, шли фамилии. Аккуратный учительский почерк, синие чернила, по алфавиту. Абрамова. Белов. Васильченко. Мара скользила по ним глазами. Ильин. Кравец. Лебедева. Морозов.

— Смотрите ниже, — сказала Ирина Генриховна.

Смирнов Д.

Дальше была пустая строка.

Её никто не вымарывал и не зачёркивал. Чистая полоска бумаги между двумя линейками, как будто учительница пропустила её по ошибке. А под ней шло дальше: Тарасова К. Усманов. Федорченко.

— Я пропустила строку, — сказала Ирина Генриховна.

— Я никогда не пропускаю строки. Тридцать один год. Но допустим. Допустим, рука соскочила. А теперь посмотрите вправо.

Мара посмотрела.

В пустой строке, напротив отсутствующей фамилии, стояли оценки. Синими чернилами, тем же аккуратным учительским почерком. Сентябрь: пять, пять, четыре, пять. Октябрь: пять, пять, пять. Сочинение по «Грозе» — пять с плюсом. Три пропуска в начале ноября, отмеченные буквой «н». Потом пусто.

— Я поставила эти оценки, — сказала Ирина Генриховна.

Голос у неё сел совсем. — Это мой почерк. Я помню, как ставлю пятёрки, у меня рука это помнит. Но кому, я не знаю. Сочинение по «Грозе» на пять с плюсом. Я за тридцать лет поставила, может быть, двадцать таких. Я должна была запомнить этого ребёнка на всю жизнь. А я не помню.

Мара смотрела на пустую строку. Между «Смирнов» и «Тарасова». Фамилия, которой нет, начиналась где-то между «См» и «Та».

Холод поднялся от пальцев к запястьям. Она не надела перчатки, сидя дома, и теперь пожалела.

— А это, — сказала Ирина Генриховна и показала на поля.

На узком поле справа от последнего столбца оценок, напротив пустой строки, было написано карандашом. Мелко, торопливо, почерк был тот же, учительский, но кривее, будто писали на весу, держа журнал на коленке.

Одно слово.

— Я этого не писала, — сказала Ирина Генриховна. — Вернее, это мой почерк. Я вижу, что это мой почерк. Но я не помню, когда это написала. И не понимаю, что это значит. Я весь вечер смотрела на это слово и не понимаю.

Тео подошёл и заглянул Маре через плечо.

— Это же просто день недели, — сказал он.

Мара не ответила.

Она смотрела на слово на полях, и кухня вокруг неё поплыла. Запах чая сменился запахом варёной картошки и ста-

рого ковра. Вместо клеёнки на столе она видела потёртый диван, беззвучный телевизор, мигающий экран. Девочку двенадцати лет в школьной форме, с руками на коленях и совсем сухими глазами. Губы, которые шевельнулись без звука. Слово, которое прозвучало у неё в голове пять лет назад, минуя уши, и которое потом не произнёс больше никто.

Девочка так и не заговорила.

Мара положила палец рядом со словом на полях, не касаясь бумаги. Будто боялась, что оно сотрётся.

«Вторник».

Глава 2. Журнал

Ирина Генриховна провела её в школу во вторник, в половине четвёртого, когда закончился седьмой урок.

Охранник на входе оторвался от кроссворда, посмотрел на Мару, потом на учительницу и снова уткнулся в газету. Мара предъявлять ничего не стала. Её никто и не спрашивал.

Внутри школа пахла тем же, чем пахли все школы, в которых Маре когда-либо приходилось бывать: мокрыми куртками, хлоркой и пригоревшей запеканкой из столовой. Под толком гудели лампы дневного света. Где-то наверху дежурные двигали стулья, со скрежетом, на весь этаж. По лестнице сбегали последние ученики, громкие, с рюкзаками нараспашку, и обтекали Мару, как вода обтекает камень, не глядя.

Гул под звуками здесь был. Обычный школьный гул, плотный, нервный: кто-то не сделал домашку и врал, кто-то влюбился и молчал, кто-то третий день ходил с синяком на руке и говорил, что упал. Мара шла по коридору и слушала. Привычно. Ничего особенного.

На третьем этаже гул кончился.

Он кончился у поворота коридора, ровно на линии, где старый линолеум с узором в ромбик сменялся новым, серым. Мара переступила эту линию и оказалась в тишине. Дежурные со стульями остались за спиной. Лампы гудели. Шаги учительницы стучали по линолеуму. А под ними было пусто.

Ирина Генриховна остановилась у двери с табличкой «Кабинет литературы. 11 "Б"».

— Вы что-то слышите? — спросила она тихо.

— Наоборот, — сказала Мара.

Учительница посмотрела на неё и не стала переспрашивать. Отперла дверь.

Кабинет был светлый, большой, с тремя окнами на пустырь. Портреты писателей над доской: Пушкин, Толстой, Чехов, Ахматова. У Ахматовой треснуло стекло в рамке, и трещина шла ей через профиль. Парты в три ряда, по десять в первом и третьем, восемь во втором, где у окна стоял шкаф с книгами.

Мара сразу нашла нужную. Второй ряд, третья от доски. Она ничем не отличалась от остальных: такая же серая столешница, такие же металлические ножки, такой же стул, задвинутый под неё.

На остальных партах лежал обычный мусор после уроков. Фантики, скомканный листок, чей-то забытый карандаш, ручка без колпачка. На этой не было ничего. Даже пыли.

— Уборщица протирает её каждый вечер, — сказала Ирина Генриховна у неё за спиной. — Я спрашивала. Она сказала, что протирает все. Но я смотрела. Остальные она пропускает через раз.

Мара подошла к парте и остановилась в шаге.

Тишина здесь была плотнее, чем в коридоре. Мара прислушивалась так, как не прислушивалась даже к дому Марчей в первый вечер. Пусто. Ни шёпота, ни эха, ни холода. Она ждала, что будет холодно, приготовилась к этому, натянула перчатки ещё внизу, у охранника. Холода не было. Было ощущение, что она стоит у края очень глубокой ямы, где на дне нет воды.

Она отодвинула стул.

Ничего. Стул как стул. Мара села за парту.

Столешница была чистая, гладкая, без единой надписи, хотя на соседних партах слоями лежали десятилетия школьного творчества: сердечки, имена, неприличные слова, решённые и нерешённые уравнения. Мара положила ладони на холодный пластик.

И ей вдруг стало очень неуютно сидеть здесь, на виду у всех. Будто весь класс, которого не было, смотрел ей в затылок. Будто кто-то сейчас засмеётся сзади, и все подхвоят, и смех будет такой, что захочется стать меньше, потом ещё меньше, а потом совсем перестать быть.

Мара встала так быстро, что стул упал.

Ирина Генриховна вздрогнула.

— Что?

— Ничего. — Мара подняла стул и задвинула его обратно. Руки под перчатками были мокрыми. — Неудобная парта. Учительница смотрела на неё долго.

— Я тоже не могу за неё садиться, — сказала она наконец.

— Я пробовала. На перемене, когда никого нет. Сажусь и сразу встаю. Как будто...

Она не договорила.

Мара присела на корточки и заглянула под столешницу. Там, где ученики обычно прилепляют жвачку, было чисто. Она провела пальцами в перчатке по нижней стороне. Гладко. Потом пальцы зацепились за что-то.

Царапины. Мелкие, неглубокие, будто кто-то долго и терпеливо водил по пластику кончиком циркуля. Мара достала телефон и посветила фонариком.

Царапины складывались в буквы. Те же два слова, повторённые десятки раз, одно под другим, мелко, как пишут на полях, когда урок тянется бесконечно и нужно занять руки. Часть стёрлась, часть была совсем свежей.

«Я здесь. Я здесь. Я здесь. Я здесь».

По дороге вниз Мара спросила про три пропуска в журнале.

— Начало ноября, — сказала Ирина Генриховна. — Третье, четвёртое, пятое. Вторник, среда, четверг. Потом ничего. Ни пропусков, ни оценок. Строка просто кончается.

— А раньше пропуски были?

— Ни одного. — Учительница помолчала на лестнице. — Это я тоже вижу по журналу. Ни одного пропуска за три года. Ни разу не болела. Знаете, что это значит?

— Что?

— Что ей было некуда больше идти, — сказала Ирина Генриховна. — Такие дети ходят в школу даже с температурой. Я видела таких за тридцать лет. Дома им хуже.

Она сказала «ей». Мара заметила это и промолчала. Учительница не заметила.

У выхода они разминулись с группой девятиклассников. Те толкались и хохотали, кто-то кого-то тянул за рюкзак. Одна девочка обернулась на Мару, просто так, как оборачиваются на незнакомого взрослого в школе. Мара почувствовала, как гул под звуками снова навалился на неё у самой двери, тёплый, живой, привычный, и чуть не рассмеялась от облегчения.

На крыльце она сняла перчатки и долго держала руки в карманах.

Фамилия начиналась между «См» и «Та». Сочинение по «Грозе» на пять с плюсом. Ни одного пропуска за три года. «Я здесь», вырезанное снизу парты циркулем. «Вторник» на полях.

Мара помнила девочку с Литейной. Помнила её лицо так, будто видела вчера: острые колени в белых колготках, косичку, перехваченную аптечной резинкой, руки, сложенные на коленях, сухие немигающие глаза. Помнила квартиру, суп на плите, беззвучный телевизор. Помнила фамилию семьи. Со-мовы.

Со. Между «См» и «Та».

Она попыталась вспомнить имя девочки. Пять лет назад

она его знала. Записывала в блокнот, произносила вслух в больнице, когда врач спрашивал, кто родственник. Короткое имя, на «А», кажется. Или на «О».

Мара стояла на школьном крыльце и не могла его вспомнить.

Она помнила номер квартиры на Литейной. Помнила, какого цвета был диван и что показывали по беззвучному телевизору. Помнила, как звали врача, который сказал «ката-tonия». А имя двенадцатилетней девочки, рядом с которой просидела всю ночь, исчезло, как исчезает слово, которое вертится на языке. Только это не вертелось. На его месте было гладко, как на нижней стороне парты, до того как пальцы нащупали царапины.

Она достала телефон и набрала Сайласа.

Он взял после первого гудка.

— Ты жива, — сказал он. — Я уже думал, тебя трамвай увёз в депо.

Три недели они разговаривали каждые несколько дней. Коротко, ни о чём: о Бароне, о Тео, о том, что Громов опять кого-то вызвал на ковёр. Один раз Сайлас заехал вечером с пакетом мандаринов и просидел у неё на кухне два часа, и они почти не говорили, просто сидели и чистили мандарины, и это было лучше, чем говорить. Про звонки в 03:12 он больше не упоминал. Мара не спрашивала.

— Мне нужно дело, — сказала она. — Старое. Литейная,

пять лет назад. Семья Сомовых.

Он долго молчал. Мара слышала, как у него в участке звонит чей-то телефон и как кто-то смеётся в коридоре.

— Ты обещала туда не возвращаться, — сказал Сайлас.

— Я никому ничего не обещала.

— Ты обещала мне. В машине, когда я тебя оттуда вёз. Ты сказала: больше никогда.

Мара не помнила. Но он, наверное, помнил правильно. Он всегда помнил правильно.

— Сайлас. Дочь Сомовых. Ей сейчас семнадцать, она учится в четырнадцатой школе. Учится, вернее, училась. Она пропала. И её никто не помнит. Ни учителя, ни одноклассники. В журнале пустая строка.

— Её родители заявляли?

— Не знаю. Думаю, нет.

— Почему?

Мара посмотрела на школу за забором. На третьем этаже, в крайнем окне справа, было пусто.

— Потому что они, скорее всего, тоже её не помнят, — сказала она.

Сайлас выдохнул в трубку, длинно, через нос.

— Я подниму, — сказал он. — Вечером привезу.

— Спасибо.

— Мандарины купить?

— Купи.

Он приехал в восемь. С пакетом мандаринов, с тонкой картонной папкой под мышкой и с таким лицом, какое у него бывало, когда дело с самого начала не нравилось.

Мара поставила чайник. Сайлас сел за стол, положил папку и не стал её открывать. Взял мандарин, начал чистить.

— Я его сам писал, — сказал он. — Это дело. Ты помнишь? Ты тогда сидела в квартире, а я писал протокол на лестнице, на подоконнике. Ручка не писала, я на неё дышал.

— Помню.

— Я сегодня его открыл и не узнал свой почерк. — Он положил очищенный мандарин перед ней, на блюде. — Потом узнал. А потом нашёл одну вещь.

Он раскрыл папку и вынул верхний лист. Протокол осмотра места происшествия. Бланк, графы, печать отдела. Почерк Сайласа, быстрый, наклонный, с длинными хвостами у «д» и «у». Мара видела его тысячу раз в рапортах, в записках на своём столе, на салфетке в кафе, где он однажды написал ей адрес подозреваемого.

Сайлас положил палец на строчку посередине.

«В квартире обнаружены: Сомов Виктор Андреевич, 1979 г. р., Сомова Татьяна Олеговна, 1982 г. р., а также их дочь, , 2009 г. р.».

Между двумя запятыми ничего не было. Даже не пропуск, а просто две запятые рядом, с пробелом посередине. Будто имя вынули из строки пинцетом, а запятые остались стоять.

— Я не пропускаю имена, — сказал Сайлас. — Никогда.

Ты знаешь. Громов меня за это даже хвалил. А тут две запятые. Я проверил ещё три бумаги в деле. Объяснения соседей. Направление в больницу. Рапорт. Везде одно и то же. Фамилия есть, год рождения есть. Имени нет.

Мара смотрела на две запятые.

— Как её звали, Мара? — спросил Сайлас. — Я был там. Я её на руках нёс до скорой, она весила как кошка. А я не помню, как её звали.

— Я тоже, — сказала Мара.

Она сказала это ровно, будто речь шла о погоде, и увидела, как у Сайласа дрогнуло лицо.

— Ты тоже, — повторил он.

— С сегодняшнего дня. — Мара взяла мандарин с блюда и не стала есть. — Утром я ещё знала. Наверное. Я не проверяла. А днём, на школьном крыльце, полезла за ним и не нашла.

Сайлас молчал. Потом снова полез в папку.

— Есть ещё фотография, — сказал он. — Криминалист делал на месте. Общий план.

Он положил на стол снимок. Цветной, глянцевый, немного выцветший по краям.

Мара узнала комнату сразу. Обои в мелкую полоску. Ковёр на стене, бордовый, с узором. Телевизор на тумбе. Окно с тюлем. И диван перед телевизором, потёртый, коричневый, с вязаной салфеткой на спинке.

На диване сидели двое.

Мужчина в домашней футболке, у левого подлокотника. Женщина в халате, у правого. Оба смотрели в экран пустыми глазами, как смотрели тогда, пять лет назад. Между ними на диване было место. Широкое, на целого человека. Подушка на этом месте была примята, будто на ней только что сидели. На салфетке за спинкой, ровно посередине, торчала тонкая аптечная резинка, какой перехватывают косичку.

Самой девочки на снимке не было.

Мара смотрела на примятую подушку и на резинку. Она помнила, как сидела в кресле напротив этого дивана всю ночь. Помнила острые колени в белых колготках. Помнила, как девочка повернула голову и посмотрела на неё сухими глазами, и в этих глазах не было ни страха, ни удивления.

— Её не было на снимке, — сказал Сайлас. — Я сегодня так подумал. Что её не было. А потом посмотрел на эту резинку и вспомнил, что я сам её снимал. С её волос. В скорой. Она за что-то зацепилась, и я снял, чтобы не тянуло. Положил в карман. А потом не знаю, куда дел.

Он сунул руку в карман куртки, будто резинка могла там лежать пять лет. Вынул пустую руку.

За окном пошёл снег. Мелкий, первый настоящий, он ложился на подоконник снаружи и не таял.

— Они сейчас живут в Спальном районе, — сказал Сайлас тихо. — Сомовы. Я посмотрел. Переехали через год после Литейной. Девятиэтажка на Заводской, через пустырь от четырнадцатой школы. — Он помолчал. — Ты ведь туда по-

едешь.

— Поеду.

— Завтра. Я с тобой.

Мара посмотрела на него. На свитер крупной вязки, на седину на висках, на кожуру мандарина, которую он машинально складывал в аккуратную спираль на краю блюда.

— Тебе Громов голову снимет, — сказала она.

— Громов в отпуске, — сказал Сайлас. — Улетел греться. Неделю я сам себе Громов.

Он положил спираль из кожуры ей на блюде, рядом с мандарином. Получилось похоже на розу. Мара не знала, нарочно он это или нет, и не стала спрашивать.

Глава 3. Сомовы

Девятиэтажка на Заводской стояла торцом к пустырю, и из её окон школу было видно как на ладони: забор из сетки, колонны у входа, три этажа тёмных окон. Мара заметила это, пока Сайлас парковался. Подумала, что девочка каждое утро видела школу из окна, прежде чем туда идти. И каждый вечер, возвращаясь.

Подъезд был обычный. Кодовый замок, который не работал, почтовые ящики с выломанными дверцами, запах кошек и жареного лука. На втором этаже кто-то выставил на площадку старый детский велосипед с одним колесом. Лифт, судя по табличке, был «временно не работает» с позапрошлого года.

Сомовы жили на шестом.

Гул здесь был, но слабый, будто доносился из-за толстой стены. Мара поднималась по лестнице и чувствовала, как с каждым этажом он редет, как редет лес у края вырубки. На шестом она остановилась перевести дыхание, и тишина обступила её со всех сторон.

Сайлас позвонил.

Открыл мужчина лет сорока семи, плотный, в растянутом свитере, с газетой в руке. Мара узнала его не сразу. Пять лет назад он сидел на диване, глядя в беззвучный экран, и лицо у него было восковое, пустое. Сейчас на этом лице было

обычное выражение человека, которому в субботу позвонили в дверь: лёгкое раздражение и готовность отказаться от всего, что ему предложат.

— Если вы насчёт счётчиков, — сказал он, — то мы уже поменяли.

Сайлас показал удостоверение.

Раздражение на лице Виктора Сомова сменилось вежливой настороженностью. Он посмотрел на удостоверение, на Сайласа, на Мару. Задержался на ней взглядом на секунду дольше. Мара видела, как в его глазах что-то шевельнулось, как шевелится рыба под тёмной водой, и пропало.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Плановая проверка, — сказал Сайлас. — Можно войти? Пять минут.

Квартира была двухкомнатная, чистая, тесная. В прихожей на вешалке висели две куртки, мужская и женская, и две пары тапочек стояли у порога. Пахло борщом и стиральным порошком. На кухне работал телевизор, негромко, со звуком. Мара отметила это с облегчением, которое её саму удивило.

Татьяна Сомова вышла из кухни, вытирая руки о полотенце. Маленькая, светловолосая, с усталыми глазами и седой прядью у виска, которую она не закрашивала.

— Витя, кто там?

— Из полиции. Проверка.

— Какая проверка?

Сайлас объяснил. Мара не слушала. Она стояла в прихожей и смотрела на дверь в конце коридора.

В квартире было две комнаты. Одна, большая, была открыта: Мара видела диван, телевизор на стене, ковёр на полу, сервант с посудой. Обычная гостиная, она же спальня, судя по сложенному в углу одеялу. Вторая дверь, в конце коридора, напротив ванной, была закрыта.

На ней висел замок. Не врезной, а накладной, маленький, на двух шурупах, такой, какие вешают на дачные сараи. Шурупы были вкручены криво, один чуть торчал.

Тишина в квартире шла оттуда.

— ...у вас есть дети? — спрашивал Сайлас.

Татьяна засмеялась. Легко, удивлённо.

— Нет, — сказала она. — У нас нет детей. Не получилось. Мы уже и не пытаемся, правда, Витя?

Виктор кивнул. Он стоял у вешалки, держа газету, и смотрел на Мару.

— А что во второй комнате? — спросила Мара.

Татьяна обернулась на закрытую дверь, как оборачиваются на шум, который давно перестали замечать.

— Кладовка, — сказала она. — Хлам всякий. Ключ потерялся, а взламывать жалко, дверь хорошая.

— Давно потерялся?

Татьяна задумалась.

— Не помню, — сказала она, и в голосе у неё было лёгкое

удивление, будто вопрос был очень простой, а ответа почему-то не нашлось. — Давно. Всегда был потерян, кажется.

Мара подошла к двери. Никто её не остановил.

Замок был новый. Блестящий, без единой царапины. А вокруг него, на краске двери, были царапины. Свежие, светлые, будто кто-то долго и неумело тыкал ключом мимо скважины. И ещё одна вещь: у самого пола, под дверью, в щель пробивалась полоска света. Тусклая, серая, дневная. Там было окно, и оно не было задёрнуто.

На ручке двери висела аптечная резинка. Тонкая, бежевая, такими перехватывают косички.

Мара не стала её трогать.

— Вы позволите? — спросил Сайлас Виктора.

Он показал на замок. Сомов посмотрел на него, потом на жену. Татьяна стояла с полотенцем в руках и улыбалась вежливой растерянной улыбкой.

— Зачем? — спросила она. — Там правда ничего нет.

— Формальность, — сказал Сайлас. — Я обязан осмотреть все помещения.

Это была неправда. Он не был обязан ничего. Мара знала это, и Виктор, судя по лицу, тоже знал. Но он почему-то кивнул.

Сайлас достал из кармана складной нож, открыл отвёртку и выкрутил оба шурупа за полминуты. Замок повис на одной петле. Он снял его, положил на тумбочку в прихожей и посмотрел на Мару.

Она взялась за ручку. Под пальцами в перчатке ручка была холодной. Резинка на ней качнулась.

Мара открыла дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.